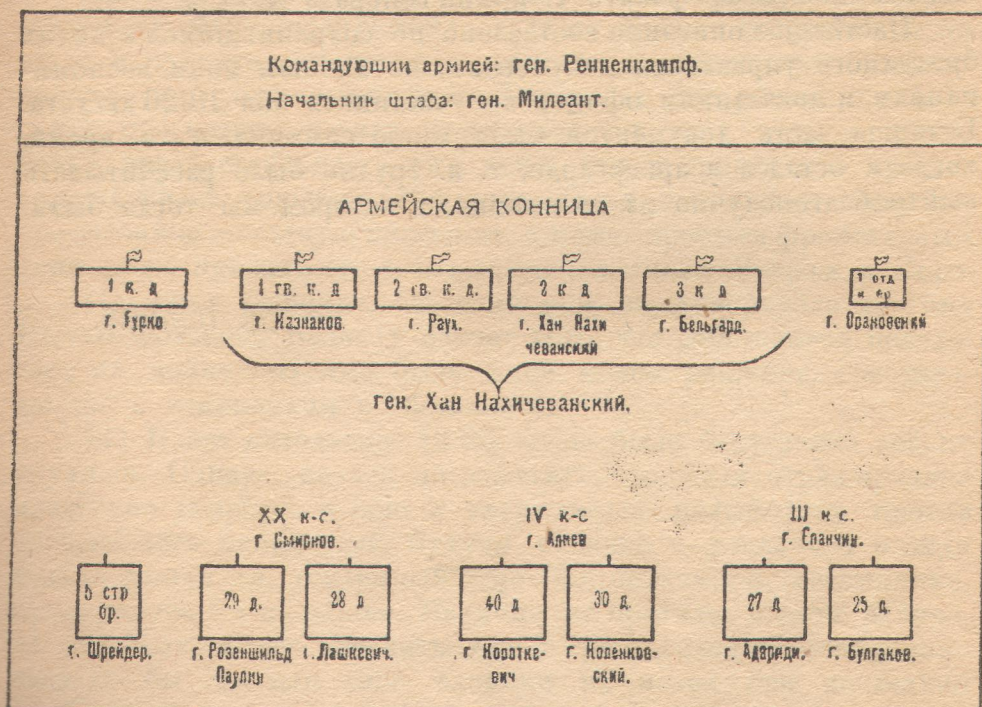

Значение фланга в бою III армейского корпуса 4/17 августа 1914 года ¹⁾.

I. Общая обстановка.

Боевое росписание 1. армии.

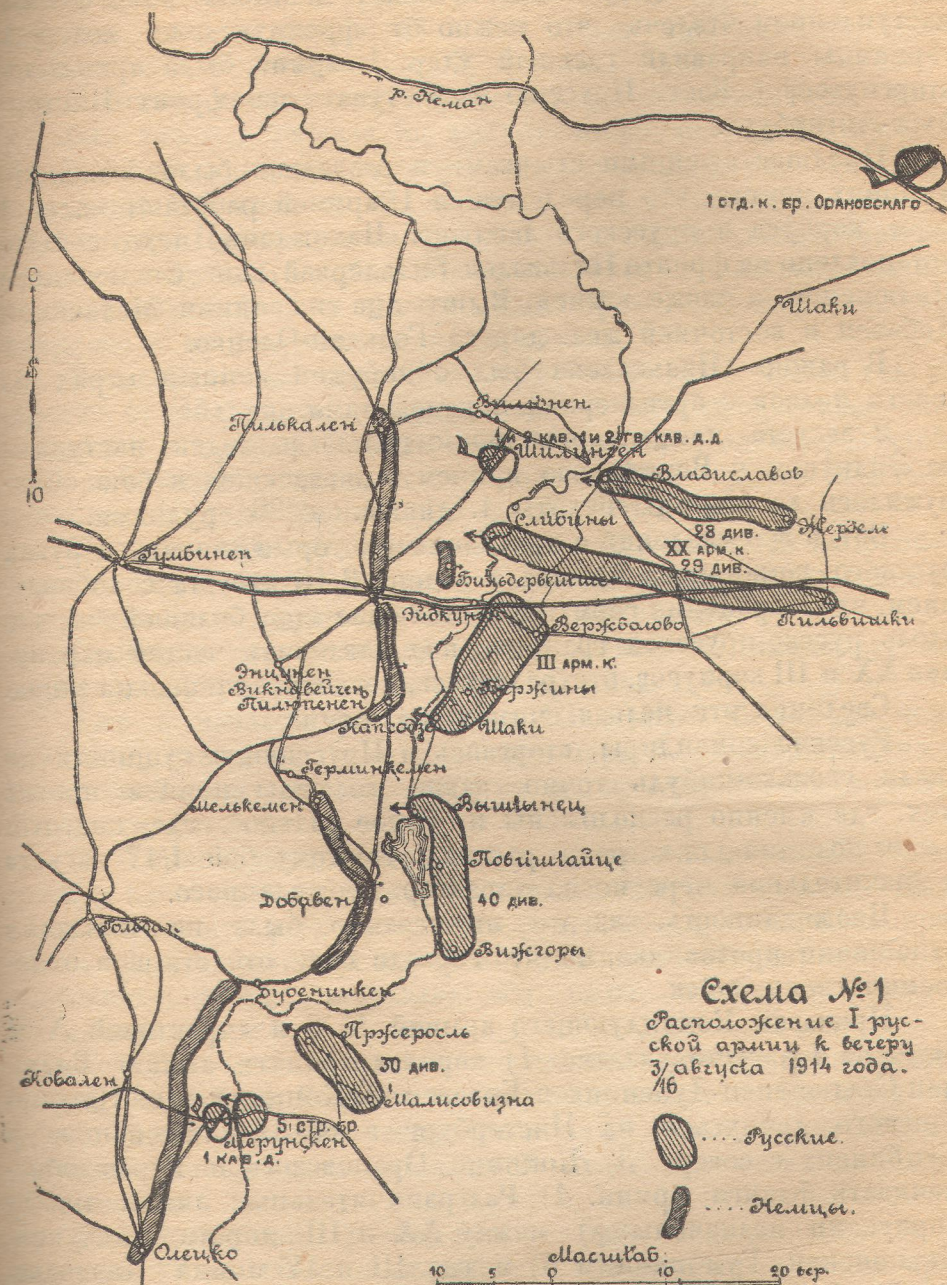

Русская армия ген. Ренненкампфа составила из войск Виленского военного округа, которые к вечеру 3/16 августа сосредоточились (схема № 1):

1. от. кав. бригада на р. Немане против м. Шаки.
2. 3. кав. див., 1. и 2. гв. кав. див. в районе Шилин-ген, что юго-зап. Владиславова.

¹⁾ Составлено по документам русской стороны.

в) XX корпус: 28. дивизия—в районе Владиславов-Жердело,
29. дивизия—в районе Слибины-Пильвишки.

г) III корпус в районе г. Вержболова-д. Бержины-д. Шаки.
д) IV корпус: 40. дивизия в районе Выштынец-Вижгоры,
30. дивизия в окрестностях д. Малисовизна.

е) 5. стрел. бригада в окрестностях д. Мерунскен.

ж) 1. кав. дивиз. в районе д. Мерунскен.

В развитие общего плана военных действий, энергичным наступлением отвлечь, что можно от французов, на которых германцы направили главный удар, 1. армии было приказано вторгнуться в Вост. Пруссию и наступать на фронт Инстербург-Ангербург.

Предшествующими стычками и разведкой было выяснено в общих чертах, что перед нашей 1. армией работают части I герм. корпуса и прусского ландвера. Нахождение пехоты было установлено на фронте Пилькален-Бильдервейтшен-Сталюпенен-Пилюпенен, а также южнее Выштынца на линии Мелькемен-Добавен и восточней жел. дороги Гольдап-Олецко.

В районе Пилькалена был обнаружен конный отряд из шести полков с артиллерией и пулеметами.

2 августа немцы, очевидно, с целью разведки, наступали на Эйдкунен и Вержболово, причем в завязавшемся бою обнаружилось до бригады пехоты 1. дивизии с 36 орудиями.

Вот и все сведения о противнике, которые имелись в руках русского командного состава к вечеру 3/16 августа с добавлением, что охранение германцев, стоявшее еще большей частью вдоль русско-прусской границы, под давлением частей охранения XX и III корпусов, отстреливаясь, несколько отошло на запад.

Сведения эти нельзя считать полными.

Русские командиры, вторгаясь в Пруссию, в сущности не знали сколько-нибудь точно, какие же силы немцев против них, где именно расположены и, самое главное, где подготовлены позиции для встречи русских. Поэтому бой 4/17 августа в значительной мере носил характер неожиданного.

Неожиданность, как это ни странно, была не только в отношении противника, но, что гораздо хуже, отчасти и в отношении своих войск.

Приказом Командующего армией № 2 и директивой № 1 было на 4 августа указано: 1) корпусам занять линию Вилу-нен-Сталюпенен-Дубенинкен-Ковален. 2) Коннице хана Нахичеванского двинуться на Инстербург в обход Сталюпенена и Гумбинена с севера. 3) Коннице Орановского и Гурко обеспечивать фланги армии. 4) Разграничительные линии между корпусами назначены: а) между XX и III дорога Эйдкунен, Сталюпенен, Гумбинен и б) между III и IV линия Капсодзе, Викавейчен, Эндунен (схема № 1).

Приказания эти не вполне учитывали действительное нахождение войск и потому не согласовали их работы.

Дивизии III корпуса перешли 4 августа границу между 8 и 9 часами утра; дивизии XX корпуса—между 12—13 ч.; полки 40 дивизии перешли границу после 11 ч. утра, 30. дивизия перешла границу между 13 и 14 часами; прочие находились на прусской территории уже 3 августа.

Поэтому войска вступили в бой не одновременно. Наибольшая тяжесть выпала на высунувшийся вперед III корпус, атаковавший главную группу неприятельских сил. Довольно серьезный бой вела и 29. дивизия, подоспевшая на помощь III корпусу. Прочие части или имели незначительные стычки, или же наступали без боя. При этом IV корпус не занял назначенного ему района и оголил левый фланг III корпуса, чем неприятель не замедлил воспользоваться.

В частности III корпус, развернувшись к 11 часам дня на фронте от Эйдкунена до Будвейчена, с боем продвигался вперед и к 3 ч. дня овладел линией Малиссен, Допенен, Занзейчен, охватив неприятельское расположение и угрожая его тылу в направлении на Кисельн (схема № 3 и 2).

Противник (1. герм. дивизия) стойко удерживался на фронте Сталюпенен, Геритен, Допенен, Гавенен, развивая сильнейший огонь ружейный, пулеметный и артиллерийский.

Особенно чувствительно было действие его тяжелой артиллерии по непривычке к ней наших войск.

Уже с началом наступления III корпуса было замечено движение немецкой пехоты с артиллерией от Сталюпенена к Бильдервейтшену, имевшее, видимо, целью охватить 25. дивизию с правого фланга.

Этот маневр немцев не удался, вследствие появления 29. дивизии и ее блестящих действий. 29. дивизия ген. Розеншильд—Паулина, слыша шум разгорающегося боя впереди, торопилась прикрыть правый фланг III корпуса. Начальник дивизии, понявший обстановку, писал: „направляю все силы, чтобы поддержать 25. дивизию“.

Ген. Розеншильд, оттеснив передовые части немцев, перешел границу в районе Родшен и двумя колоннами бросился на фронт Таргупенен, Бильдервейтшен, уже сильно занятый противником, собиравшим здесь свой кулак для удара по тылу 25. дивизии.

Ген. Розеншильд разбил здесь немцев, захватив пленных, 7 орудий и 12 зарядных ящиков, и тем обезпечил положение правого фланга III корпуса.

Иначе сложилась обстановка на левом фланге III корпуса: 40. пех. дивизия, долженствовавшая действовать в тесной связи

с 27. дивизией III корпуса, на самом деле оказалась оторванной от нее на 12—18 верст на юг. Первая ее бригада вела в течение всего дня бой с полками 2. германской дивизии (44. и 33.) в районе деревни Думбельн, в результате которого немцы были оттеснены к д. Мелькемен.

Один полк этой дивизии наступал южнее озера Выштынецкого и занял д. Шиткемен.

Таким образом между 27 дивизией III корпуса и частями 40. дивизии образовался промежуток, не наблюдаемый даже конницей.

Немцы, имевшие в районе Пилюпенен-Мелькемен отряд, прикрывавший узел путей и исходную часть жел. дороги Гольдап—Сталюпенен, убедившись после 12 часов дня, что направлению на Пилюпенен русские не угрожают, использовали, часть группы для парирования весьма угрожающего им охвата 27. дивизии.

В результате между 16—17 часами в тылу 105. Оренбургского полка, составившего левый фланг III арм. корпуса и наступавшего на фронт Кисельн, Иогельн, развернулся неожиданно отряд немцев¹⁾, который атаковал в тыл и левый фланг 27. пех. дивизию (схема № 2).

105. полк почти весь погиб, а другие части 27. дивизии, неся большие потери, отошли к русско-прусской границе.

Работа прочих частей армии 4 августа выразилась в следующем (схема № 3).

1. отд кав. бригада Орановского заняла Шилленен, разведывая на правом фланге армии.

28. дивизия, не встречая сопротивления, к 7 часам вечера, заняла Виллюнен и выдвинула авангард к Шварпельну.

Конный корпус Хана Нахичеванского из четырех дивизий с 48 орудиями, имевший задачей разгром в неприятельском тылу в районе Инстербурга, не выполнил этой задачи и не оказал какого-либо содействия ведущим рядом горячий бой пехотным дивизиям, а продвинувшись к Пилькалену стал западнее него на ночлег.

Характерна в донесении (№ 102) Хана Нахичеванского о действиях этого дня жалоба на то, что неприятель „решительно избегает конных столкновений и быстро отходит“; в этом же донесении он сообщает командующему армией, что „вошел в соприкосновение с 112 Уральским полком“²⁾.

¹⁾ В числе пленных немцев, захваченных здесь, оказался солдат 33. пех. полка 2-ой дивизии; полк этот ночевал с $\frac{3}{16}$ на $\frac{4}{17}$ августа в районе южнее д. Мелькемен и был двинут $\frac{4}{17}$ августа на д. Будвейчеч.

²⁾ Полк 28. дивизии, которая наступала, не имея перед собой неприятеля.

30. дивизия, 5. стрелковая бригада и 1. кав. дивизия Гурко, продвигаясь с боем, заняли к вечеру 4 августа фронт Дубенинен, Млыникен, Ковален, Гусен. Более тяжелое столкновение здесь выпало на 17. и 19. стрелковые полки, атаковавшие неприятеля, занявшего окопы у д. Лакелен, очевидно, с целью удержать возможно дольше станцию Ковален.

Таким образом, вторжение нашей 1. армии в Восточную Пруссию не было достаточно согласовано. Некоторые группы войск двигались в пустую, не оказывая содействия соседям; часть же не могла занять назначенных районов.

Поэтому блестяще начатый бой кончился довольно крупной тактической неудачей. Произошло это, главным образом, благодаря недостаточному вниманию к одному из флангов III армейского корпуса.

Чтобы выяснить вполне, отчего это произошло, остановимся подробнее на действиях 27. пех. дивизии.

II. Действия 27 пех. дивизии.

3/16 августа 27. дивизия заняла (схема № 2):

а) Главными силами (106. пол., 107. пол., 24 л. ор., 12 гауб. и 10 каз.) район д. д. Карклупяны, Еглинишки, Новадоля.

б) Авангардом (108. пол., 16 л. ор., 1/2 сотни, 1 с. р.) д. Бержины.

в) Отрядом полк. Комарова (105. пол., 8 л. ор., 1/2 сотни) д. Шаки, Новиники.

Охранение было выставлено по линии Ромейкен, Платен, Зоденен, Татаркемен.

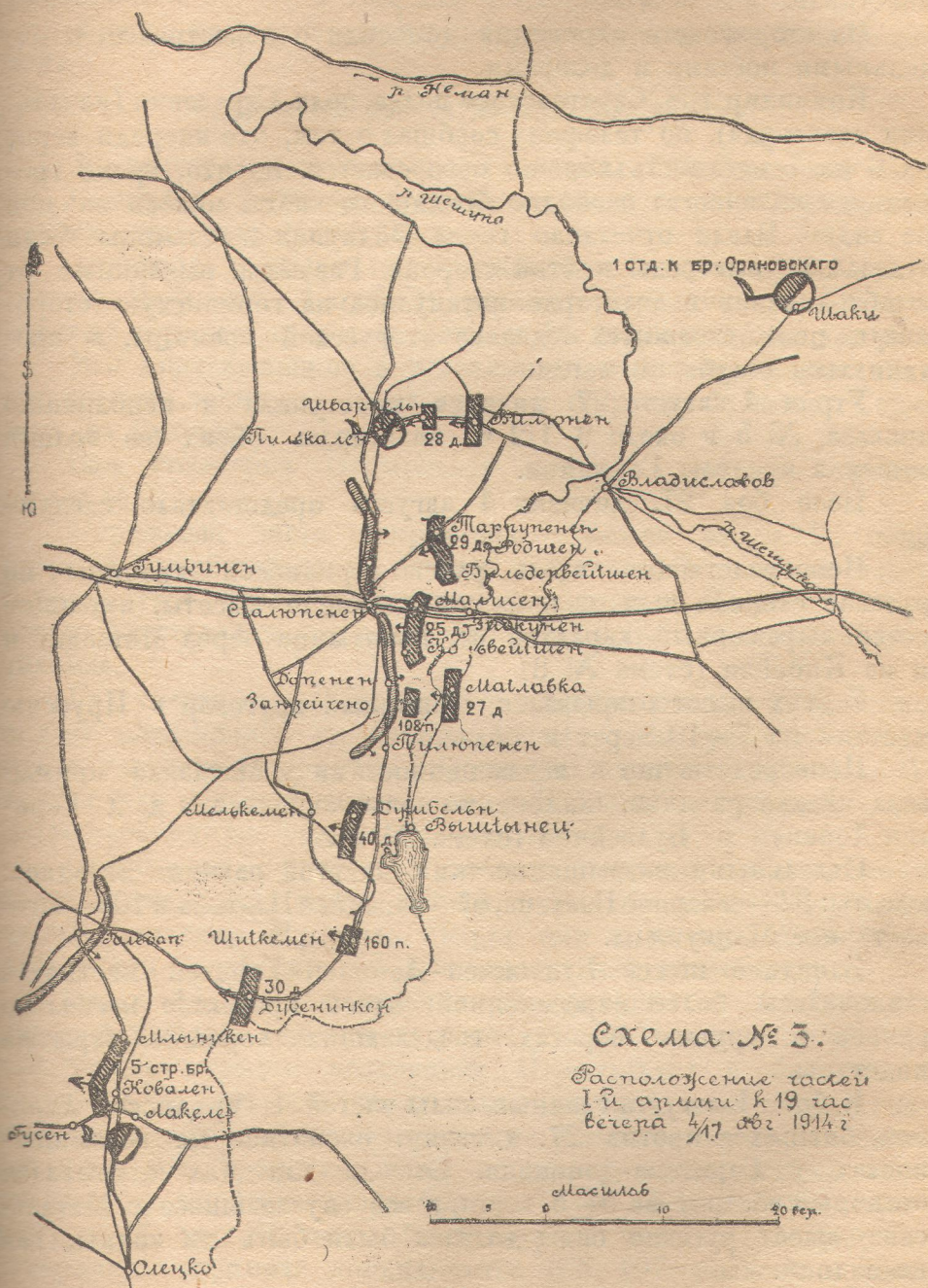
Переход сторожевыми частями границы сопровождался перестрелкой, в результате которой посты немцев везде отошли.

Вечером начальником 27. дивизии был получен приказ III армейскому корпусу № 4, которым указана задача корпусу на 4 августа „занять главными силами линию Сталюпенен-Викнавейчен“ (схема № 1).

Южной границей полосы действий 27. дивизии была назначена линия Капсодзе, Викнавейчен, Вальтеркемен, (западнее Эндунен).

О неприятеле сообщалось, что на фронте Пилькален—Пилупенен развертываются части обеих дивизий I германского корпуса. Там же указывалось, что левей 27. дивизии наступает 40. пех. дивизия.

штаб корпуса, послал от сотни пограничников, прибывшей к нему в этот день, раз'езд штаб-рот. Малова с задачей

искать эту дивизию в районе Выштынец и сообщить об ее положении.

В течение вечера 3 августа и ночи на 4 августа новых сведений о группировке сил неприятеля в штаб 27. дивизии не поступило.

Из сторожевого охранения доносили о перестрелке с отдельными постами и дозорами.

Командир 108. Саратовского полка, полк. Струсевиц (начальник авангарда), по телефону сообщал о том, что впереди верст на 6 на 7 местность хорошо обозревается, но что, кроме громадного количества свободно бродящего скота, никого на ней не видно. Вдали отчетливо горел Эйдкунен и слышны были отдельные выстрелы в этой стороне. Раз'езды, высланные от штаба дивизии и авангарда, наткнулись на германскую сторожевую цепь, стоявшую недалеко от русской границы, и продвинуться вглубь не могли.

Утром 4 августа 27. дивизия приступила к исполнению приказа № 5 и около 9 1/2 ч. авангарды обеих ее колонн вошли в пределы Германии.

Поле боя 27. дивизии 4 августа представляло следующее.

Непосредственно вдоль русско-германской границы по русской стороне шли сильно командующие высоты, имеющие резко выраженный характер от Выштынца через Матлавку и на Кибейки (схема № 3).

С этих высот открывался обширный кругозор в Пруссию местами на 7—10 верст и более.

Непосредственно к возвышенностям у Матлавки примыкала низкая равнина, постепенно повышающаяся к д. д. Геритен-Допенен и Будвейчен (схема № 2).

Отдельными возвышенностями на этой равнине являлись: высоты: 92—севернее Платена, 87—западнее Платена и 105—юго-восточнее Мацкушена.

Западнее шоссе Будвейчен-Допенен-Геритен местность становилась более пересеченной; здесь протекало несколько ручьев в крутых берегах, создававших хорошие укрытые подступы.

В бою 4 августа главные силы частей 1 германской дивизии, бившихся против 27. дивизии, окопались на возвышенностях у Геритена-Допенена. Отсюда для них открывался отличный обстрел на 3—5 верст, и все спускавшиеся с Матлавских высот русские силы должны были быть им видны, как на ладони.

Только долина проходимой в брод пограничной речки Липоны создавала некоторое укрытие.

Передовые прикрывающие части немцев, видимо, занимали в ночь на 4/17 августа отдельные перечисленные выше возвышенности 92, 87 и 105, где у них были окопы.

Группа немцев в окопах прикрывала также Пилюпененский узел.

А. Действия правой колонны 27. дивизии.

В авангарде правой колонны наступал 106. Уфимский полк, 24 л. орудия, 1 сотня пограничников и 1 рота сапер, под начальством полк. Отрыганьева.

Авангард двигался под прикрытием головного отряда в составе батальона, 4 пул., $\frac{1}{4}$ взвода пограничников, и двух боковых отрядов, в составе роты и 16 пограничников каждый.

Эти прикрывающие и разведывающие части выступили на час раньше авангарда и захватывали широкий фронт от Геритена до Рудшена.

Сам полковник Отрыганьев шел с головным отрядом (схема № 2).

Передовые части неприятеля с линии высот 92 и 87 открыли ружейный огонь, почему полковник Отрыганьев около 8 часов утра стал разворачивать в районе Платена голову своего авангарда и приказал взводу 5. батареи обстрелять противника.

Как только наша артиллерия открыла огонь, немедленно немцы обрушились из района Геритена на уфимцев сразу тремя тяжелыми батареями; причем они не вели пристрелки ¹⁾, а стреляли на поражение, что указывает на старательную заблаговременную подготовку обороны.

Следующим в хвосте авангарда батареям, за неимением более подходящего места, пришлось выехать на открытую позицию западнее Платена, откуда они и начали деятельную работу для содействия продвижению своей пехоты.

Около 11 часов начальник 27. дивизии г. л. Адариди, лично наблюдая ход боя с высот у дер Матлавка и увидав, что между отрядом полковника Отрыганьева и ближайшей колонной 25. дивизии, наступление которой было видно, значительный промежуток, направил на усиление авангарда подошедший 107. Троицкий полк, объединив командование всем участком в лице командира бригады г. м. Беймельбурга, которому в 11 час. 40 мин. была вручена записка следующего содержания: „примите командование 106. 107. полками и диви-

¹⁾ „Журнал военных действий 27. арт. бригады“.

зионом 27. арт. бригады и наступайте на фронте Кальвейчен—высота южнее Допенена“.

Г.-м. Беймельбургъ направил 107. полк правее 106. полка (на геритенскую кирку).

В это же время батареи, шедшие в главных силах, заняли позицию к югу от д. Матлавки и открыли огонь по району Допенена.

Артиллерия немцев с трех направлений деятельно стала забрасывать район развертывания 106. и 107. полков. Стреляло несколько, как легких, так и тяжелых батарей (до 5), борьба с которыми для наших легких батарей оказалась трудной в виду дальности расстояния.

При содействии артиллерии 106. и 107. полки сбили передовые цепи неприятеля, заняли высоты 92 и 87 и стали продвигаться на указанный им фронт Геритен-Допенен.

В 11 ч. 30 м. III. батальон Уфимского полка овладел южной частью д. Допенен ¹⁾.

В 13 час. 55 мин. начальник 27. дивизии получил об этом от г.-м. Беймельбурга записку № 1, в которой последний доносил: „Уфимский полк занял Допенен. Направляю Троицкий полк на Геритен и продолжаю наступление“.

К этому же времени от офицера связи в соседней колонне 25. дивизии, сотника Конева, пришло извещение № 7: „В 12 часов левой колонной 25. дивизии взята д. Кальвейчен“. Несколько раньше прибыло и донесение полк. Комарова № 137 из д. Будвейчен: „Будвейчен занят мною в 10 часов 30 мин. Авангард продвигаю до Занзейчен. С правой стороны слышу артиллерийскую стрельбу. Могу ли перейти в наступление на Допенен для поддержки. Неприятель отступил, кругом раз'ездов никаких не замечено“.

Так счастливо началось наше вторжение в Пруссию.

Участник боя, лично бывший на наблюдательном пункте западней Матлавки, говорит: „Душа радовалась, глядя на наших; несмотря на то, что все поле между Допененом и Платеном бороздили снаряды, наши шли, как на маневрах; почти не ложились и не окапывались; чувствовался могучий порыв и богатырский дух; была уверенность, что мы снесем врага; мы все время со всех сторон получали донесения и знали, что делается и у себя и в соседней 25. дивизии; только ничего не было известно, что делает 40. дивизия“.

¹⁾ Полевая записка под. Симоненко № 5 из д. Допенен.

В виду очерченной обстановки начальник 27. дивизии приказал в 13 часов. 15 мин. г.-м. Беймельбургу (записка № 110) продолжать наступление на фронт Геритен, высота 78, севернее Иогельна, а полк. Комарову (записка 111) „оказать содействие“ дальнейшему наступлению генерала Беймельбурга.

В 14 часов. начальник 27. дивизии получил записку командира корпуса генерала Епанчина (84), в которой, между прочим, приказывалось: „нажимайте упорней на правый фланг противника, обнаружившегося против Вас“. Это подтвердило сделанное уже распоряжение об охвате Допенена.

В дополнение их г. Адариди приказал резерву дивизии, 108. п. Саратовскому полку, передвинуться в виду предположения развить бой на левом фланге, в д. Мацкушен. Штаб дивизии перешел в район д. Платен. Наступление, несмотря на сильный огонь немцев, продолжалось.

Уфимский полк двигался уступом впереди; его I и III батальоны перешли шоссе Будвейчен-Геритен и стали окапываться; II и VI батальоны находились частью в резерве за д. Допенен, частью на флангах полка.

107. Троицкий полк несколько уступом вправо от уфимцев, имея IV и III батальоны в первой линии и I и II батальоны во второй линии, продвинулся на 500—600 шагов к окопам немцев и тоже стал окапываться.

Немцы стойко держались в своих окопах (не имевших проволочных заграждений) от высоты 81 на Допенен и затем к высоте 78 севернее Иогельна. Батареи их были расположены: три тяжелые—в районе Геритена и две-три легкие—сев. зап. Допенена.

Для содействия наступлению начальник 27. дивизии приказал нашим батареям, стоявшим южнее Матлавки, переехать вперед в район д. Мацкушен для обстреливания во фланг неприятельской артиллерии, в районе Геритена, которая главным, образом, и мешала наступлению.

Тогда же для той же цели было приказано и III мортирному дивизиону выехать на позицию с.-з. д. Матлавка.

Бой принял затяжной характер; противник развивал сильный огонь. Положение 27. дивизии около 16 часов показано на схеме № 2.

В 16^{1/2} ч. к телефону вызвал начальника штаба дивизии командир 108. п. Саратовского полка полковник Струсевич из района Мацкушена и совершенно неожиданно сообщил, что видит, как будто наши цепи левого фланга отходят назад.

В то же время ген. Беймельбург прислал записку командира 107. Троицкого полка (№44), в которой говорилось, что его полк продвигается с большими потерями вперед, но что влево от него наши цепи отходят.

Начальник 27. дивизии, не придавая еще этим событиям решающего значения, тем не менее приказал командиру 108. п. Саратовского полка выдвинуться северо-западной Мацкушена для поддержки отходящих.

Около 17 часов полковник Струсевиц вызвал вторично к телефону начальника штаба дивизии и передал ему, что идет сплошной и беспорядочный отход 105. Оренбургского полка, а за ним и частей 106. и 107. полков.

Начальник дивизии подтвердил полковнику Струсевицу приказание поддержать отступавших и, выдвинувшись, отбросить наседавшего неприятеля. Батареям было приказано сосредоточить огонь по преследующим. Полковник Струсевиц перешел в короткое наступление двумя батальонами в направлении Мацкушена, что в связи с действием батарей остановило наседавшего неприятеля.

Однако, эти мероприятия не могли уже спасти положения, и в 18 ч. 35 м. начальник 27. дивизии, чтобы прекратить произвольный, местами хаотический отход, назначил линию Ромейкен, Капсодзе для сбора отходящих. Здесь, под прикрытием 108. полка и некоторых батарей, удалось собрать части дивизии, привести их в порядок и окопаться.

Противник обрушился всей силой своего огня на отходящих; особенно оказалась в тяжелом положении 4. батарея 27 арт. бригады, которая самоотверженно оставалась на своей позиции до темноты, не прекращая огня и прикрывая отходящих; она потеряла около половины своего состава; с наступлением темноты орудия этой батареи удалось убрать на руках.

Б. Действия отряда полк. Комарова.

Полковник Комаров еще 3/16 августа вечером получил ряд донесений от своих раз'ездов и дозоров о том, что район предстоящего наступления и южнее занят передовыми частями конницы и пехоты неприятеля; при этом приказный Гаврилов из д. Галькемен определенно доносил, что у д. Пилюпенен рота неприятельской пехоты расположена „цепью“, т.-е. в окопах.

В 23 часа 5 мин. 3/16 августа полковник Комаров отдал приказ №7 для наступления. В авангард был назначен третий батальон 105. полка с 4 пулеметами и 1/2 сотни казаков,

который должен был выступить от д. Шаки в 6 часов через Капсодзе и Зоденен на Будвейчен.

Через час за ним должны были следовать остальные силы отряда (3 бат., 4 пул., 8 ор., 10 каз.)

Для разведки и походного охранения авангарду указана линия: „Капсодзе, Викнавейен, Валькертемен“. (Схема 1 и 2).

Однако в 23 ч. 50 м. полковник Комаров прислал начальнику будущего авангарда записку № 54, в которой дал более полные и определенные указания для разведки, а именно: „вышлите от конницы, приданной авангарду, 15 коней в направлении Новинки, Капсодзе, Зоденен, Адлих, Будвейчен. Раз'езду поставить задачи: заняты ли Адлих и Будвейчен неприятелем. Правый и левый раз'езд, силою каждый не более 5—6 коней, должны поддерживать связь с полками 27. и 40. дивизий. Пункты по вашему указанию. Для предстоящих вам завтра действий приказываю выполнить в точности указания полевого устава от. V, гл. 6 и в особенности § 488“.

Эти указания не были достаточными; а главное, как бы игнорировали, с одной стороны, факт отсутствия рядом влево частей 40. дивизии, местоположение которых ни штабу 27. дивизии, ни полк. Комарову тогда еще выяснить не удалось, а с другой—нахождение в районе Пилюпенена пехоты неприятеля в окопах.

Необходимо было позаботиться, чтобы своевременно знать, что же будет делать неприятельский отряд у Пилюпенена, когда полк. Комаров атакует Будвейчен, а части 40. дивизии на поле боя не появятся.

Поздней, полк. Комаров получил извещение от командира бригады 40. дивизии, о том, что к 6 часам 4/17 августа его части занимают район Выштынец, Повиштайце (записку № 55), это должно было еще более привлечь внимание к левому флангу, т. к., указанный выше район отстоял от Будвейчена на 13—18 верст и задачи частей 40. дивизии известны не были.

Утром 4/17 августа колонна полк. Комарова двинулась согласно приказа № 7. Начальник авангарда капит. Лопатто в 10 ч. уже донес о том, что им д. Будвейчен занята.

В 10 ч. 30 м., кап. Лопатто дал новое донесение № 6: „занял ж.-дор. станцию Будвейчен; походное охранение продвинул на запад и остановил. Неприятеля не видно. Жду распоряжения, что делать дальше“.

На это донесение полк. Комаров дал приказ „авангарду удерживать д. Будвейчен“, а сам донес начальнику 27. дивизии за № 137, от 10 ч. 40 м. „Будвейчен занят мною в 10 часов

30 м. Авангард продвигаю до Занзейчен. С правой стороны слышу артиллерийскую стрельбу. Могу ли перейти в наступление на Депенен для поддержки. Неприятель отступил, кругом раз'ездов никаких не замечено“.

Когда колонна главных сил подошла на 1/2 версты к Будвейчену, неприятельская артиллерия из района Депенена открывала по ней огонь.

Полковник Комаров развернул свой отряд и около 11 ч. отдал следующие распоряжения: 1) III батальону занять Занзейчен, 2) 1. батарею 27. арт. бригады занять позицию южнее Будвейчена, для обстрела района Депенена, 3) II бат. занять станцию и деревню Будвейчен, 4) I и IV батальонам стать у железной дороги Будвейчен, 5) командующему этими батальонами (под. Земчихину) „выдвинуть дозоры на запад и юго-запад (на Занзейчен и Матернишкен). В случае наступления противника развернуться и удерживаться во что бы то ни стало на восточном гребне оврага“.

Все эти приказанья отдавались из д. Будвейчен, где утвердился штаб отряда, полковое знамя и прикрытие в лице 13 роты.

В 12 часов пол. Комаров получил одновременно две записки: одну от начальника штаба 27. дивизии № 104, ориентирующую в обстановке и добавляющую в конце: „в штаб 40. дивизии послан офицер для связи, который, однако, ничего не доносит“. Другая записка была от раз'езда хорунжего Алимова из д. Матернишкен за № 2: „из д. Лаукупенен пошел раз'езд в д. Мицкавейчен силою 15 коней. Иду на Мицкавейчен“.

В 12 ч. 25 м. пришло донесение от хорунжего Алимова за № 3: „южнее д. Матернишкена появился взвод пехоты и обстрелял мой раз'езд. Подбита под Гавриловым лошадь. Наблюдаю за цепью“.

Полковая реляция по этому поводу гласит: „взвод этот командиром полка был принят за одну из передовых частей 40. пехотной дивизии, вследствие чего и был оставлен без внимания“.

В это же время полк. Комаров получил и ответ нач. 27. дивизии на свое донесение № 137; в ответе нач. дивизии давал распоряжение „энергично наступайте от Занзейчена на Депенен“.

Несомненно, что нач. дивизии ген.-м. Адарида, отдавая это распоряжение, исходил из общей обстановки на фронте дивизии и донесения самого же Комарова, что „неприятель отступил, кругом раз'ездов никаких не замечено“. При этом Комаров забыл сообщить о неприятельской пехоте, обнару-

женной у Пилюпенена и об этом в штабе 27. пех. дивизии не знали.

Несомненно также, что обнаруженное своевременно хорунжим Алимовым движение раз'езда и пехоты неприятеля от Лаукупенена на Матернишкен, представлявшее очевидно передовые части какой-то колонны, в корне меняло обстановку.

Полк. Комаров должен был все это взвесить, а равно сообщение нач. штаба 27. пехотной дивизии, что посланный для связи в 40. дивизию офицер ничего не доносит и что следовательно ни точное местонахождение, ни задачи 40. дивизии не известны.

Вывод отсюда мог быть только один—частей 40. дивизии на поле боя нет, а потому надо беречь свой фланг.

Однако, полк. Комаров видимо находился под гипнозом уверенности, что 40. дивизия должна быть вблизи него влево.

Это подтверждает и приведенная выдержка из реляции и рапорт командира 13 роты 105. полка капитана Бухвостова и словесный доклад командира 1. батареи 27. артил. бригады подп. Аноева, который вечером сообщил начальнику штаба 27. пехотной дивизии, что когда он, встревоженный лично, предупредил полк. Комарова о том, что разведчики его заметили пыль как будто от колонны,двигающейся с юга от Пилюпенена на север, то Комаров сказал: „ну это отлично, это части 40. пехотной дивизии“.

В результате всего описанного полк. Комаров, вместо того, чтобы принять соответствующее складывающейся обстановке решение—прочно обеспечить фланг, как свой, так и всей дивизии, отдал распоряжение об атаке Допенена, ставшее роковым в бою 4/17 августа.

Приказание его изложено в записке № 57 от 13 ч. 10 м. Нашему отряду приказано наступать и взять Допенен. Второму батальону наступать правее (восточнее) большой дороги на Допенен, первому батальону наступать в промежутке между железной дорогой и большой дорогой. Третьему батальону наступать от Занзейчена вдоль железной дороги прямо на север, не переходя железную дорогу. Четвертому батальону занять Занзейчен и ждать моих приказаний. 13. рота в резерве. Донесения прислать в фольварк, что к западу от железной дороги и в полуверсте к югу от Будвейчена“.

Площадь, по которой стал наступать отряд, вся обстреливалась действительным огнем германской артиллерии из района Допенена и Геритена.

Это вызвало, видимо, неправильность продвижения. Так, командир III батальона, от 14 ч. 15 м. доносит: „я нахожусь

севернее Рудшен, около полуверсты между большой и железной дорогами. Сейчас перейду на указанный участок“.

Командир IV батальона от 15 ч. 25 м. доносит из Семетимена: „шли на Занзейчен, но обстрел артиллерией, уклонились и стоим теперь в Семетимене к западу от Занзейчена“.

В это же время полк. Комаров получил донесение о положении 40. дивизии.

В своей записке от 15 ч. 5 м. он пишет генералу Адариди: „сороковая дивизия перешла границу в 10 часов с целью занять линию Бабелен, Шиткемен ¹⁾. Я прошу генерала Карепова (командира 1. бригады) занять Пилюпенен“.

В виду позднего времени и отдаленности расстояния казалось бы на содействие 40. дивизии в этот день полк. Комаров рассчитывать уже не имел оснований. Полученная штабом 27. дивизии ночью записка от штаба 40. дивизии вполне это подтверждает.

Записка эта гласит: „полк. Комаров в 15 ч. (мы получили в 18 часов 40 м.) просил 40. дивизию занять Пилюпенен, чего нельзя было сделать, ибо два полка дрались впереди Думбельна, а третий полк наступал южнее озера Выштынец; четвертый полк подходил из Мереча и находился в 16 верстах от боя. Частям дивизии удалось продвинуться с боем за Думбельн. Приказал окопаться, а завтра буду продолжать задачу“ (схема № 3).

Еще в это время, т.-е. в 15 час. Комаров мог энергичными мероприятиями спасти до некоторой степени положение.

Однако он продолжает наступать, и на записку ген. Адариди о взятии 106. полком Допенена и о том, чтобы он „оказывал содействие дальнейшему наступлению отряда генерала Беймельбурга на фронте Геритени Иогельн“ доносит от 15 ч. 50 м. из д. Будвейчена за № 60: „всем четырем батальонам“ приказал атаковать противника в направлении Иогельн-Кисельн“.

О донесениях хорунжего Алимова и о положении южнее, полк. Комаров в штаб дивизии опять-таки ничего не сообщил.

Записка полк. Комарова за № 60—последний документ о его действиях.

Дальнейшие события несколько освещаются рассказами очевидцев и положением убитых оренбурцев, которые на другой день были обнаружены в довольно большом числе в районе дороги Допенен - Гавенен; это определяет северную границу наступления отряда Комарова.

¹⁾ 5¹/₂ верх. южнее Пилюпенена.

Обстоятельства этого печального окончания боя 4/17 августа рисуются так.

Около 16 часов командир 1. батареи под. Аноев, не разделявший веры Комарова в близость 40. дивизии и наблюдавший на юг и юго-запад, заметил в бинокль появление за возвышенностями трубы Цейса. Он немедленно сообщил об этом Комарову и предупредил, что вероятно вскоре будет открыт огонь им в тыл. Комаров и тут еще продолжал верить в то, что южнее его отряда неприятеля быть не может.

Однако, вскоре предсказание Аноева сбылось, и 105. полк был атакован германским отрядом из пехоты с артиллерией во фланг и в тыл.

Приводим выдержку рапорта командира 13. роты 105. полка кап. Бухвостова (от 6/19 августа 1914 г.), остававшегося в полковом резерве в деревне Будвейчен: „Противник внезапно обошел нас с левого фланга. Обнаружив это, я быстро занял с полуротою позицию на левом фланге (надо полагать на юго-западной окраине д. Будвейчен) и встретил наседавшего противника огнем (3. взвод прикрывал артиллерию, а четвертый находился во дворе при знамени); с этого периода боя полк оказался в тяжелом положении; так было признано и командиром полка, который, отдав распоряжение об отступлении полка, крикнул: „подпрапорщики спасайте знамя, а остальные люди 13. роты идите на помощь к своей роте“.

Чины 4. взвода под сильным пулеметным огнем противника присоединились к первому и второму взводу своей роты, потеряв убитыми и ранеными 10 человек.

Продержавшись на позиции у Будвейчена почти до полного израсходования на руках патронов и убедившись, что все роты отступили, я приказал отойти до новой позиции в тылу. Отступая под убийственным огнем, остатки роты достигли шоссе, где в это время находился ген. Беймельбург. Я остановил цепь и доложил, о положении полка. Г.—м. Беймельбург приказал цепи остаться на позиции с целью прикрыть отступление 106. и 107. полка“.

В не совсем еще ясном ходе событий этого периода боя несомненно, что после 16 часов появившийся отряд немцев со стороны Пилюпенена атаковал отряд Комарова в тыл.

Отряд этот не мог быть велик,¹⁾ вероятно 2-3 батальона и батарея, т. к. иначе он решительней развил бы свой обход на Платен. На самом деле он ограничился наступлением западнее

¹⁾ Взятый здесь пленный принадлежит 33. пех. полку, начевавшему с 3/10 на 4-е августа в районе Мелькемен.

большой дороги Пилюпенен-Геритен, т. к. и 1. батарея и 13. рота 105. полка ушли благополучно из боя, а 108. полк, бывший уже в то время у Мацкушена, не был совсем атакован.

Ко времени германской атаки 105. полк находился, примерно, на линии Кисельн, Йогельн, юж. окраина Допена, фронтом на север.

Будучи внезапно атакован в тыл с юга и юго-запада, он отпора дать не мог и почти весь погиб. Погиб и начальник отряда полк. Комаров, убитый у д. Будвейчен.

Неудача 105. полка отразилась немедленно на 106. и 107. полках. Кучки спасающихся оренбургцев внесли расстройство в ряды уфимцев, которые тоже начали отходить, увлекая, в свою очередь; троицких.

Так из-за невнимания к своему флангу погиб мужественно сражавшийся и блестяще наступавший 105. Оренбургский полк.

III. Причины неудачи в бою 4/17 августа и какими мерами следовало обеспечить фланг.

Неудача 105. Оренбургского полка повлекла серьезные потери 27. дивизии.

По сведениям, составленным штабом дивизии 9/22 сентября, дивизия в бою 4/17 августа потеряла 63 офицера и 6664 солдат, из коих на долю 105. полка пришлось 2959 солдата и 31 офицер, в том числе и командир полка полковник Комаров.

Следствиями неудачи 105. полка явился отход 27. дивизии и приостановка успешных действий 25. дивизии, а также приостановка дальнейшего наступления армии до 14 ч. 5/18 августа, что предоставило противнику время для спокойного отхода и эвакуации имущества и пленных.

Командир I германского корпуса донес о блестящей победе со своей стороны. Это не совсем так. Стратегического успеха немцы не имели, ибо ночью отступили, бросив не эвакуированное имущество в Сталюпенене и потеряв в бою 7 орудий и 12 зарядных ящиков.

Но наличия блестящего тактического успеха в бою 4/17 августа с их стороны отрицать неприходится. Особенно, если принять во внимание соотношение сил: с германской стороны около двух дивизий пехоты и двух конницы, а с русской-около 7 пехотных дивизий и 5½ кавалерийских; надо признать за немцами большое искусство и смелость в этом первом пробном камне начинающейся войны. Без этого, и при правиль-

ном ведении операции с русской стороны, немногочисленные немцы должны были бы быть окружены и уничтожены.

Какие же причины вызвали неудачу 4/17 августа? — Это были крайняя чувствительность флангов в современном бою и невнимание к левому флангу III армейского корпуса, прошедшее в распоряжениях начальствующих лиц русской стороны от командующего армией до командира 105. пехотного Оренбургского полка.

До войны уже было хорошо известно, что немцы положат в основание ведения боя „активность“ и „давление на фланги“. Необходимо было самое предусмотрительное отношение к обеспечению себя от неожиданностей, средством для чего должны служить: тщательная разведка, согласование действий частей, в частности уравнивание движения, и тщательное обеспечение открытого фланга.

В этом отношении вина за катастрофу 4/17 августа не может быть отнесена на счет кого-либо одного, а является коллективной виной ряда начальствующих лиц, начиная с командующего армией генерала Рененкампа.

Важность первого боя с таким серьезным противником, как немцы, обязывала его принять все меры для тщательнейшей подготовки успеха. Между тем, исследователь не может не заметить некоторой поверхностности в распоряжениях командующего армией и стремления его „гнать войска вперед“, лишь бы гнать, вопреки требованиям методизма и правил марша армии из 3—4 корпусов.

Первое, на что войска могли рассчитывать это: а) или получить определенные сведения о силах неприятеля, его группировке и месте подготовленных им укрепленных позиций, б) или иметь средства и время сделать это самим.

У командующего армией в руках были средства тайной разведки мирного времени, средства всей пограничной стражи Виленского округа, наконец 5^{1/2} кавалерийских дивизий, часть которых работала на границе уже с первого дня мобилизации. Однако, сведений вполне точных о неприятеле корпуса, подошедшие 3/16 августа вечером к прусской границе, не получили.

Им не было также предоставлено возможности произвести разведку самим. Поставленный в лучшие в этом отношении условия, III армейский корпус подошел к границе и выставил охранение лишь к темноте, а с рассветом 4/17 августа его головные части уже начали наступление.

Дивизии других корпусов частью появились на поле сражения лишь в день самого боя, пройдя главными силами до

30 и более верст. В предвидении важности первых боевых столкновений и чтобы улучшить условия в отношении разведки, а равно связи и охранения, командующий армии мог бы передать, хотя бы для первоначальных действий, часть своей многочисленной армейской конницы (5½ дивизий) в корпус.

Тогда бы командиры корпусов и начальники дивизий могли бы заполнить промежутки на своих широких фронтах конными частями, что сильно облегчило бы им сбор сведений о неприятеле, связь, ориентировку и безусловно гарантировало бы от неожиданностей.

На самом деле, в I армии корпусной и дивизионной конницы до 5/18 августа в сущности не было совсем; к большинству дивизий прибыли только конвойные полусотни, а в некоторые еще по одной-две сотни пограничной стражи, не способных в то время (в начале кампании) нести службу регулярной конницы.

Второе, на что войска могли рассчитывать—это, чтобы им дали перед боем отдохнуть, осмотреться, подтянуть отстающих, и, главное, связаться с соседями.

III и IV корпуса шли от реки Немана 3—4 переходам и непрерывно, делая ежедневно по 25—35 верст.

Так как это было начало кампании и войска не было еще ни достаточно слажены, ни втянуты, они вечером 3 августа были сильно утомлены и нуждались в отдыхе.

Приказ командующего армией занять к вечеру 3/6 августа авангардами Владиславов, Вержболово, Пржеросль был исполнен, стоил дорого войскам и при том главные силы в некоторых дивизиях, например XX корпуса, находились позади авангарда на 14—19 верст. (Схема 1.)

Непрерывный и поспешный марш мешал дивизиям установить связь с соседями.

Воплем отчаяния звучит донесение начальника 27 дивизии 4/17 августа от 19 часов 35 м. „Третий день стараюсь войти в связь с 40. дивизией, вчера послал офицерский раз'езд пограничников, но сведения о точном месте ее нахождения не имею“.

Командир конного корпуса Хан-Нахичеванский 3/16 августа не знает, где части рядом действующего XX корпуса. Дивизии XX корпуса получают случайную ориентировку. Наконец, сам штаб армии не имеет прочной связи с некоторыми группами армейской конницы и стремится передавать им распоряжения через „соседей“.

Третье, что должно было бы быть тщательнейшим образом предусмотрено командующим армией, это согласование действий

корпусов и отдельных дивизий в столь важный день перехода германской границы и первого столкновения с войсками армии, справедливо считавшейся одной из лучших в мире. Казалось бы, что надо было подвести все части армии к границе так, что бы они могли начать вторжение одновременно; это одно уже значительно сократило бы немцам возможность развития „активной обороны“.

Следовало районы разведки, охранения и наступления согласовать с действительным расположением частей 3/16 августа вечером, с тем что бы они фактически оказывали бы друг другу поддержку.

На самом деле только III армейский корпус переходит границу в назначенное время, при чем наталкивается на главные силы первого германского корпуса.

XX корпус значительно опаздывает, но во всяком случае является во время, что бы спасти третий корпус от охвата и катастрофы и на правом фланге, так как немцы и здесь начали уже развивать свой любимый маневр и направили утром 4/17 августа колонну из пехоты с артиллерией от Сталюпенена на Бильдешвейчен.

IV корпус оказывается оторванным на юг, вне тактической связи с III корпусом. Армейская конница в сущности участия в бою не принимает и конный корпус Нахичеванского 4/17 августа делает переход около 13—15 верст; в то же время главные силы 28. пех. дивизии делают больше 30 верст.

В самом приказе командующего армией № 2 имеется данная, которая послужила причиной заблуждения, от которого погиб 105. Оренбургский полк.

В этом приказе южная линия района действий для III корпуса на 4/17 августа назначена линия Копсодзе-Викнавейчен-Вальтеркемен при чем указано, что южнее район IV корпуса. (Схема 1).

Это разграничение, как обязательное, вошло в приказы III корпусу, 27. дивизии и отряду полковника Комарова.

Между тем, части IV армейского корпуса не имели никакой возможности ни наступать, ни разведывать в части, назначенного им армией, района.

Таким образом, вина командующего армией в неудачах 4/17 августа заключается в том, что он, не взирая на неполноту сведений о противнике, не дал корпусам ни средств (конницы), ни времени исправить этот недочет до боя; подвел свою армию не достаточно методически, усталой и без достаточной связи к прусской границе; не вполне согласовал

действия корпусов и отдал распоряжения, неосуществимые для некоторых частей.

Командир III корпуса генерал Епанчин точно передавал распоряжения командующего армией, но видно не уяснял себе обстановку, и, в сущности, не принял никаких реальных мер, чтобы выяснит и улучшить положение своего корпуса.

Его управление в этот день корпусом характеризуется следующим:

1) Об'явив в приказе корпусу для боя, что „на фронте Пилькален-Пилюпенен“ разворачиваются обе дивизии первого германского корпуса, он ставит задачей 27. дивизии наступать на фронт от Геритена до Викнавейчена, совершенно в дальнейшем не заботясь, кто же будет наступать на неприятеля, который по его же данным развернулся южнее Викнавейчена до Пилюпенена. Между тем, положение 40. дивизии было неизвестно и рассчитывать на тактическое взаимодействие с нею основания не было.

Мало того. В делах имеется телеграмма штаба IV корпуса № 47, полученная в штабе III корпуса в 17 ч. 25 м. 4/17 августа, т.-е. еще до начала выступления дивизий. Телеграмма эта сообщает, что IV корпус будет наступать на фронте Герминкемен-Кавален. (Схема 1.)

Таким образом, ген. Епанчин своевременно узнал, что южнее его корпуса на 10 верст никто не будет наступать 4/17 августа, и что левый фланг его корпуса не обеспечен.

Тем не менее, он не только не отдал никаких распоряжений для обеспечения этого фланга, но даже не сообщил начальнику 27. дивизии содержание телеграммы № 47, оставляя и его и, значит, полк. Комарова в заблуждении, что рядом с 27. дивизией поведет атаку 40. дивизия.

В то же время ген. Епанчин в 20 ч. 4/17 августа за № 96 сообщает такие довольно фантастические ориентировочные данные начальнику 27. дивизии „к утру 5/18 августа обстановка может совершенно измениться к лучшему. Слева к вам подойдет 40. дивизия, о чем я прошу Алиева... кроме того, в тылу у неприятеля действует Хан-Нахичеванский“.

2) В 8 ч. 30 м. т.-е. когда авангард начал разворачиваться у Платена для боя, начальник 27. дивизии получил от него записку „ген. Смирнов ¹⁾ сообщил, что он идет медленнее, чем предполагалось, потому идет уступом за нами. Имейте это в виду для уравниения движения с XX корпусом. Ген. Адари-

¹⁾ Командир XX корпуса.

ди ¹⁾ и ген. Булгакову ²⁾ уравнивать движение обеих дивизий. Ген. Булгакову держать связь с Розеншильдом ³⁾“.

Как дивизиям разворачивающимся для боя уравнивать движение с отставшим, при том неизвестно на сколько, соседом, понять трудно.

3) В 18 ч. 25 м., т.-е. уже после катастрофы со 105. полком, ген. Епанчин предписывает нач. 27. дивизии „энергично наступать для содействия левому флангу 25. дивизии“, и через 10 минут в новой записке приказывает „просить содействия 40. дивизии“.

4) Еще позднее, получив от начальника 27. дивизии донесение о тяжком положении дивизии и судьбе 105. полка, ген. Епанчин в ряде записок непосредственно и через начальника 25. дивизии приказывает начальнику 27. дивизии немедленно несмотря на ночь и на создавшуюся обстановку перейти вновь в наступление с целью занять по возможности положение ближе к достигнутому дню.

В записке от 23 ч. 30 м. он, между прочим, пишет „примите все меры, чтобы установить связь с 40. дивизией и привлечь ее для оказания вам содействия“.

5) В приказе корпусу о действиях на 5/18 августа, ген. Епанчин ставит задачу 27. дивизии так, „с 4 ч. продолжать атаку на фронт Геритен-Викновейцен, в тесной связи с 40. дивизией“.

Неудача 27. дивизии с тяжелыми потерями, оторванность далеко на юг 40. дивизии, совершенная неопределенность положения на участке Допенен-Пилюпенен в этом приказе им совершенно не учитывается и как бы игнорируется.

Устав полевой службы обязывает начальников при развертывании заботиться об охране своих флангов.

Командир III корпуса ничего в этом отношении не сделал, хотя один из всех начальников полк. Комарова своевременно знал, что южнее 105. Оренбургского полка русских войск рядом не будет, а противник в этом районе имеется.

Он обязан был распорядиться разведкой и охранением левого фланга своего корпуса, выделив для этого сколько было возможно конницы, менее нужной в день атаки на фронте, чем на фланге.

На начальника 27. дивизии ген. Адариди так же падает часть вины за события 4/17 августа, но некоторым оправданием

¹⁾ Начальник 27. дивизии.

²⁾ Начальник 25. дивизии.

³⁾ Начальник 29. дивизии.

для него служит, кроме неправильностей сверху, еще то, что его ввел в заблуждение и сам Комаров, сообщавший в 10 ч. 40 м., что „неприятель отступил и кругом раз'ездов никаких не замечено“.

Во всяком случае нач. дивизии, не имевший уверенности в помощи соседа, обязан был принять от себя меры охраны фланга дивизии, выслав какие имел конные раз'езды, или даже за неимением их пехотную часть, в район Галькемен-Матернишкен для наблюдения за путями с юга и запада (схема 2).

Все же главным виновником гибели 105. полка является его командир, начальствовавший в этот день отрядом, полк. Комаров.

Это был даровитый и храбрый воин, но в нем порыв превышал столь необходимую начальнику холодную рассудительность.

Он не имел права оголять своего фланга ни в каком случае. Как бы ни верил в прибытие 40. дивизии, он был обязан до фактического ее появления плечом к плечу, принять меры к прочному обеспечению себя от случайностей.

Он должен был всю свою полусотню казаков держать в районе д. Матернишкен, освещая местность к Пилюпенену и Викнавейчену (схема 1).

Разворачивая полк фронтом на север и северо-запад, Комаров обязан был создать опорный пункт в районе Занзейчен-Будвейчен-Рутшен, заняв его, по крайней мере, батальоном и батареями (схема 2).

Тогда бы его отряду не были страшны случайности, всегда возможные в полевом бою, особенно с таким неприятелем, как немцы.

Современный бой не представляет собою простого явления, которое легко понимается; он является уравниением со многими неизвестными. Случайности вносят в него неожиданности, которые не будут иметь роковых последствий только в случае глубокой предусмотрительности со стороны командного состава.

Одной из таких мер предусмотрительности является охранение флангов — этих чувствительнейших точек боевого организма.

В каком бы положении ни находился отряд, но в особенности, когда он ведет бой, начальники всех степеней обязаны всегда принять меры для охранения флангов.

Взводный командир высылает для этого на 300-500 шагов вперед и в сторону дозор, ротный командир — на 500-1000 шагов отделение, командир батальона на одну версту партию разведчиков, а иногда и роту; командир полка на 2-3 версты

роту и разведчиков, начальники отрядов и вообще старшие начальники высылают на 5-10 верст конные и пешие части.

Все охраняющие части выдвигают вперед щупальцы в виде раз'ездов и дозоров для разведки и создают себе опорные пункты, откуда они задерживают огнем случайно появляющегося противника столько времени, сколько надо отряду их выславшему, чтобы приготовиться к парированию неожиданности.

Кто будет внимательно и серьезно охранять свои фланги, тот всегда избежит тяжелого положения, подобного тому в которое попал левый фланг 27. дивизии в бою 4/17 августа 1914 г.

Л. Радус-Зенкович.